

Н. Ф. ФЕДОРОВ, В. Р. ПОТТЕР И ГЛОБАЛЬНАЯ БИОЭТИКА

Лебедь Е. А., *д-р филос. наук, проф.*

Термин «биоэтика» придумал В. Р. Поттер в 1970 году, когда биоэтика существовала уже лет десять. «Русский космизм» как термин придуман Н. К. Гаврюшиным в это же время, но самому явлению было около ста лет. Стало быть, повод для сравнения идей Федорова и Поттера чисто формальный. На первый взгляд.

Если объект морализирующего сознания Поттера – «окружающая среда» в земной ее ипостаси, то для Федорова объектом морального суждения становится весь космос. Поттеровские интуиции о биоэтике начали проявляться на триумфальном взлете космических программ. Федоров же, размышляя о необходимости регуляции природы и о заселении внеземных пространств, полностью находился в XIX веке. Эти его размышления открывали космические перспективы развития человечества, создавали питательную среду для экологизации естествознания. Оригинальность федоровского подхода откликнулась в глобальной проблематике современности. В этом же, глобальном, контексте следует и необходимость прочтения «глобальной биоэтики» Поттера, который никогда не читал Федорова. Но если «глобализм» Федорова выражен на языке символов морализирующего сознания, то у Поттера наблюдается вполне определенное предметное содержание «длительной биоэтической устойчивости», к обеспечению которой призвана глобальная биоэтика.

Религиозно-философский лубок Федорова примитивен, как детский рисунок или народная сказка и органичен как тело. В этом лубке нет места голым профессионалам – профессионалам, не способным к творчеству. Потому что воскрешение предков, регуляция природы и космическая соборность – удел людей творческих. Глобальная биоэтика Поттера цивилизована и претенциозна. Она механистична, как культ тела, спорт и жевание резинки. Профессионалы – биологи, социологи, политологи, экономисты должны овладеть «опекунским профессионализмом», необходимым для трансформации общества. Речь не о «продуктивной беседе *инакомыслящих*» с опорой на особые в каждом случае практики философствования, а о создании мультидисциплинарных групп *профессионалов*, которые, по мысли Поттера, и смогут обеспечить достижение социального блага.

Единственное сходство русского Федорова и американца Поттера, кроме их устремленности к глобальности, – принципиальная неметафизичность их дискурса. Или даже – антиметафизичность. У Федорова она обусловлена специфической неметафизичностью русского философствования, постоянно соскальзывающего с вершин европейской понятийной философии к картинности образов и метафор, к нарративу. О чем бы ни мыслил русский философский разум, он не может выйти за пределы собственного бытования в русской идее, в русском теле, во Христе и Церкви, тоже по-своему русских. А все эти концепты и образы не имеют касательства к миру как пространству рефлексии, к миру как Миру. Русский метафизик – это Кант, едущий на тройке из Петербурга в Москву. Кант, сидящий в тройке, не способен к рефлексии, он сбивается на объектную содержательность и начинает повествование о высшей истине, а она, как известно, от Бога, а не от мысли. Если Кант не сбивается, он остается для русской философии чёртом и «лжесудьей», как у того же Федорова.

Неметафизичность Поттера проистекает из радикальной антиметафизичности биоэтики. Потому что только так «возможна встреча в общем обсуждении и поиске общих различий добра и зла адептов любой метафизики, любого богословия, любых форм экспертного и профанного знания» [2, 10]. Только в биоэтике, как особой форме философствования, по мнению П. Тищенко, можно обнаружить новые нетривиальные возможности мыслить и себя и иное. Но Поттер этого не понял и не воплотил. Он хотел быть законодателем новой – глобальной – этики, не умея быть философом. Поэтому так банально заканчивается его последняя статья, его завещание. Он написал о «Глобальной биоэтике для личности» следующее: «это работа благодаря здоровому функционированию, любовь и обязательство, рост и развитие, идентичность и сохранение видов». И для общества: «обеспечение такой окружающей среды, в которой представители всех рас смогут развивать свои индивидуальные способности; открывать нечто новое; подвергать критическому исследованию, сохранять и передавать знания, мудрость и ценности, гарантирующие выживание настоящего и будущего поколений с повышением качества жизни и сохранением человеческого достоинства» [1, 13]. Главное из достоинств Николая Федорова: он не умел быть банальным.

Литература

1. Поттер В. Р. Глобальная биоэтика: движение культуры к более жизненным утопиям с целью выживания / Ван Р. Поттер; [Пер. с англ. С. В. Вековшиной] // Практична філософія. – № 1, 2004 (№ 11). – С. 4-14.
2. Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики / Павел Тищенко. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. – 328 с.

Соціально-гуманітарні аспекти розвитку сучасного суспільства : матеріали Всеукраїнської наукової конференції викладачів, аспірантів, співробітників та студентів факультету іноземної філології та соціальних комунікацій, м. Суми, 19-20 квітня 2013 р. / Відп. за вип. В.В. Опанасюк. — Суми : СумДУ, 2013. — Ч.3. — С. 41-43.